

Наш общий знакомый

ЭТО НАЧАЛОСЬ очень давно, лет двадцать назад. В кабинет директора театра пришел стенничий, худощавый, но в общем-то довольно симпатичный парень. Помышлись, он весьма приятным баритоном изложил свое дело.

Парень впервые столкнулся с настоящим театром. Парень был очень молод, очень впечатлителен, и высокое искусство сцены захлестнуло его, сразу став целью и смыслом жизни.

А за плечами у парня были каких-то пять—шесть классов, и директор задумался.

— Если вы придете в театр, вам нужно будет всему учиться, — сказал он. — А начинать придется с самого маленького, почти с ничего... Театр — это труд, подчас не очень романтичный...

Они еще поговорили и выяснилось, что под нелегким, не очень романтичным трудом директор имеет в виду для начала, ну скажем, расклейку театральных афиш.

Парень вздохнул и согласился: к работе он привык, с пятнадцати лет был на кирпичном заводе, эвакуировался, работал на механическом... Наверное, расклейка афиш — не самое страшное. А главное — он будет в театре, будет учиться, осваивать все с азав.

Так Петр Пушечников начал свою дорогу в искусство.

Были трудные годы, и о том, чтобы получить обычное «академическое» образование — не приходилось думать. Оставалось одно: завоевывать дорогу с помощью того, что тебе отпустила природа, помножив ее дары на упрямство, настойчивость, труд.

Проходили месяцы, и Петру Пушечникову был дан первый выход на священные подмостки. Драматический актер из него, пожалуй, вряд ли получился бы, а самое главное свое богатство — голос — в драмтеатре Петру Семеновичу девать было особенно некуда.

И все-таки была какая-то школа, была сцена, были умные и внимательные товарищи, помогавшие на каждом шагу: как ходить, как держаться, как говорить. За каждым «пустяком» открывались неожиданные тайны и оказывалось, что сценическая речь и движение — это целая наука, а кажущиеся из зала естественными простотой и легкостью были итогом огромного, напряженного труда. Сцена оказалась работой, изматывающей ничуть не меньше, чем кольцевая печь кирпичного завода...

Петру Пушечникову повезло: он встретился с гастролирующим по Дальнему Востоку театром музыкальной комедии.

— Я пришел туда, по сути дела, с совершенно «неотесанным» голосовым материалом, — вспоминает артист. — Работавшие тогда в театре хорошие музыканты, Самарин и Булычев, порой ужасались моей «фразировке», да и лексике. Но сил и

времени не жалели, повозиться со мной им пришлось немало.

Пожалуй, Самарин и Булычев в ту пору знали, что делают: то, что попросту называется «материалом», у Пушечникова несомненно было. А вокалистом становятся не вдруг, как бы ни была щедрa природа.

Четыре года в хоре театра были для молодого певца хорошей школой. Через три года после окончания войны он приходит в армейский ансамбль — уже как солист.

И опять шла работа, бесконечные репетиции, споры, учеба и первые большие концерты, и неудачи, и первый успех... А иногда, оглядываясь, Петр Пушечников видел, что еще очень мало все-таки умеет, что еще много надо работать и работать, чтобы ответственное слово «солиста» было оправданным.

Автору этих строк довелось встретиться с молодым певцом четырнадцать лет назад. Я работал тогда в эстрадным оркестром, в который и пришел Пушечников, на время расставшийся с ансамблем.

Пожалуй, теперь можно покаяться: я не совсем бережно относился к голосу Пушечникова, нещадно «эксплуатируя» его. Впрочем, этого требовала специфика работы в кинотеатре. Программы менялись еженедельно, и в каждой Петр Пушечников нес львиную долю нагрузки, исполняя по два—три произведения, подчас не таких уж легких. Что отличало Петра Семеновича от иных солистов, так это прежде всего отсутствие всякой рисовки, капризности, огромное трудолюбие и работоспособность, умение быстро схватить главное в песне или арии.

Мы спорили, ссорились порой на этой работе, но работать с ним было легко, потому что он все-таки любит эстраду. И еще одно — это красивый, сильный баритон Петра Пушечникова, позволявший спокойно писать в аккомпанементе самые густые, порой громоздкие аккорды миди и саксофонов. Пушечников на фоне «меццо-форте» оркестра был превосходно слышен.

Но его тянуло на большую эстраду, и Петр Семенович вернулся в ансамбль.

Снова были месяцы репетиций, гастролей, занятий. Петра Пушечникова заметили и поддержали в Хабаровске. И каждый, в меру сил, старался дать молодому вокалисту как можно больше из того, что имел сам. Петр Семенович с благодарностью вспоминает теперь дирижера оркестра радиокомитета Бенедиктова, многих работников театра музыкальной комедии, композитора Владимира Румянцева, своего бывшего художественного руководителя Бориса Краснова. Музыканты с хорошей школой, эти люди многому научили молодого артиста, помогли становлению его мастерства. Да и теперь, работая в ансамбле с таким грамотным и требовательным музыкантом, как Валентин Савельев, Петр Семенович продолжает учиться, вслушиваться в советы, искать и совершенствоваться. Это будет долго, это будет всегда, потому что в искусстве остановок не бывает.

Характерная черта творчества Петра Семеновича — широкий диапазон его интересов и возможностей. Ему доступны, понятны и близки и лирические, задушевные песни, и лукавый юмор шуточных, народных, и чопорный «академизм» западной классики, и высокий пафос современных песен о борьбе за мир. Пушечников всюду в своем репертуаре, он очень органичен, а главное — прост, начисто лишен «менерности», которая подчас так мешает нам верно воспринимать пение.

Конечно, у Петра Пушечникова есть еще свои «бады». Одна из них, на мой взгляд, это порой ненужное форсирование голоса. Другая — недостаточно кропотливые поиски нюансов, большей выразительности. По собственному признанию артиста, он «воюет» с этими недостатками. То, что он их видит и признает, то, что он тянется к большему, — превосходная черта: это не только скромность артиста, это желание сделать большее и отдать это большее людям.

Вместе с ансамблем Петр Пушечников объездил весь Дальний Восток, побывал во многих городах Сибири, в ряде зарубежных стран. Его голос нередко звучит в радиопрограммах. Артист стал нашим общим знакомым, и все мы, хабаровчане, дальневосточники, были глубоко обрадованы, когда Президиум Верховного Совета РСФСР, высоко оценив заслуги Петра Семеновича Пушечникова в развитии советского вокального искусства, присвоил ему звание заслуженного артиста республики.

Пожалуй, лучшее у Петра Пушечникова — это героика, суровый пафос, все то высокое, приподнятое, что составляет «главное направление» творческой работы ансамбля, в котором работает артист. И здесь Петр Пушечников — как нельзя «на месте». Строгие, взволнованные строки песен «Бухенвальдский набат» и «Хотят ли русские войны...» звучат у Пушечникова с большой силой и страстью. В прошлом году Министр обороны СССР за исполнение этих песен наградил артиста Почетной грамотой.

Сейчас Петр Пушечников работает с новой программой ансамбля. На днях ее премьера состоялась в одном из клубов Хабаровского гарнизона. Скоро на сцене Дома офицеров мы увидим эту программу и еще раз порадуемся выросшему мастерству одного из скромных ее участников, Петра Семеновича Пушечникова, чей путь в искусстве так прост и так типичен для наших дней.

Л. МАЛЫШЕВ.
Фото Н. Шкулина.